

Размышляя над прочитанным

УДК 94 (73)

ЧЕМУ УЧИТ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ США

© 2012 г. **Н.М. Травкина***
Институт США и Канады РАН, Москва

Статья представляет собой размышления автора в связи с выходом в свет книги профессора В.В. Согрина «Исторический опыт США» (Москва, изд-во «Наука», 2010).

Ключевые слова: *типы цивилизационного развития, эволюция российской исторической мысли, методология исторических исследований, имперская и локальная цивилизация.*

Ещё лет тридцать тому назад можно было услышать, что Соединённые Штаты следует изучать как «главного идейно-политического, военного и экономического противника нашей страны, с тем чтобы использовать его сильные и слабые стороны в наших национальных интересах». Ну, а сегодня? Сегодня мы смотрим на США как на страну модельного капитализма, опыт которой бесценен. Однако встаёт вопрос, а насколько этот исторический опыт к нам реально применим, или же знание опыта какого исторического периода этой страны необходимо сегодняшней России?

С этой точки зрения фундаментальное исследование профессора В.В. Согрина «Исторический опыт США» [5] может оказаться чрезвычайно востребованным в современных условиях, поскольку содержит богатый исторический материал, интересные дискуссионные оценки, провоцирующие на размышления.

Метаморфоза взглядов российских историков на Соединённые Штаты говорит о тех колоссальных геополитических переменах, произошедших в мире за последние 20–25 лет, которые не только привели к окончанию «холодной войны», продолжавшейся на протяжении почти полувека после Второй мировой войны, но и способствовали огромным сдвигам во взаимном общественном восприятии американцев и россиян как представителей двух типов цивилизационного развития. Динамичный характер изменения геополитического положения США и современной России и баланса сил между ними поставил российских американистов, в том числе и историков, в достаточно сложное положение, поскольку он объективно привнёс в их периодически появляющиеся оценки путей развития и накопленного исторического опыта Соединённых Штатов элементы значительной изменчивости и некоторой расплывчатости.

Как представляется, эта расплывчатость обусловлена действием двух основополагающих факторов: во-первых, резким ослаблением «общезначимых» оценок отдельных этапов и общей направленности развития США, проистекавших от идеологии марксизма-ленинизма, сводившей к более или менее

* ТРАВКИНА Наталья Михайловна – доктор политических наук, руководитель Центра внутривосточных исследований США ИСКРАН. E-mail: iskran@rambler.ru

единому знаменателю итоговые результаты исследований историков-американистов, и, во-вторых, параллельным возрастанием возможности субъективной оценки различных этапов исторического развития США, которая теоретически создаёт возможность появления ситуации многоголосой «Вавилонской башни», когда эти оценки могут носить и диаметрально противоположный характер.

Фундаментальный труд профессора В.В. Согрина, в котором автор постарался собрать и обобщить максимально широкий круг оценок и взглядов представителей различных американских историографических школ на отдельные этапы развития США, является самым убедительным доказательством возможной эволюции российской исторической мысли в этом направлении.

Уже не сверхдержава...

Своё исследование В.В. Согрин начал с характеристики теоретических подходов к изучению американской истории, которая свелась к критической оценке той методологии исследования, которой руководствовались советские обществоведы, в том числе историки-американисты, – исторического материализма и марксистско-ленинского учения об обществе, лежавших «в основе всех советских общественных и гуманитарных наук, в том числе истории» [5, с. 5]. Автор сосредоточил внимание на их недостатках и «узких местах». Очевидно, что без их рассмотрения, действительно, трудно обойтись, однако, как представляется, ракурс исследования при этом должен быть взят несколько иной – не критический, а **структурно-функциональный**.

Методология исторических исследований является своего рода призмой, через которую и преломляется череда исторических событий, образующих в сумме американскую историю. В этом плане В.В. Согрин формулирует основную претензию ранее господствовавшей идеологии: она, по сути, задавала нормы-рамки отечественным исследователям, предопределяя их конечные выводы и результаты **ещё до того**, как они приступали к своим изысканиям. Автор пишет, что «никакие, даже самые современные и универсальные, теоретические инструментариумы не могут поколебать той очевидной для любого историка истины, что основой его ремесла является накопление и включение в орбиту исследовательского рассмотрения максимального количества исторических фактов». В свою очередь, «отбор и интерпретация репрезентативного исторического материала в отечественной американистике советского периода в существенной мере определялись тем, что она по определению позиционировала себя в качестве оппонента американской “буржуазной” историографии. В условиях современной историографической ситуации эта установка, к счастью, утратила своё значение, и отечественная американистика, как и вся отечественная историческая наука, *сохраняя национальные черты* (выделено мною. – *Н.Т.*), вместе с тем стала всё более тесно интегрироваться в мировую историческую науку, что влечёт за собой признание и учёт научных достижений самых разных исследовательских школ» [5, с. 15].

Этот пассаж, думается, самым рельефным образом и характеризует ту идеологическую сумятицу и путаницу, которые возникли среди отечественных американистов ещё в начале 1990-х годов. **«Сохраняя национальные черты...»**. Советские американисты, по крайней мере в теории, не были *национальными* исследователями – они были исследователями *наднациональными*, что, кстати сказать, и предопределило основной приоритет в их исследованиях

проблематики рабочего класса, который, как известно, «не имеет отечества», и буржуазно-капиталистического класса, который в условиях глобализации вообще стал космополитическим по определению. Это обстоятельство также объясняет, почему советская историческая американистика уделяла США гораздо меньше внимания как цивилизации: теория смены общественно-исторических формаций была основана на наднациональных критериях, а теории цивилизаций – преимущественно на расово-этнических признаках.

В результате мы читаем: «Среди различных типов цивилизаций наиболее распространённым является *локальный*. Локальные цивилизации в своём историческом развитии демонстрируют преемственность основополагающих экономических, социальных, политических и культурных характеристик. Соединённые Штаты обладают характеристиками, типичными для западной цивилизации, но у них наличествуют также характеристики и архетипы, присущие только им. В целом можно говорить о цивилизации США как самостоятельном историческом феномене» [5, с. 8]. То есть США – локальная цивилизация?! Далее автор перечисляет отличительные черты американской цивилизации – либерально-капиталистический индивидуализм, англосаксонские корни и происхождение, плавильный котёл, мультикультурность, американский фронт и «необычайно выгодное, в сравнении с другими ведущими странами, геополитическое положение» [5, с. 12].

С моей точки зрения, перечисление этих цивилизационных признаков ничего не объясняет в конечной «производственной функции» всех этих аргументов. Внимательное прочтение исследования В.В. Согрина обнаруживает отсутствие ключевого терминологического понятия, характеризующего современные США, – тот факт, что США являются *имперской цивилизацией*, которая стремится распространить своё влияние и свою систему ценностей в глобально-космических масштабах. С этой точки зрения на первое место среди цивилизационных признаков Соединённых Штатов, безусловно, следует поставить американский фронт. Именно философия фронта побудила США в середине XX века создать систему военно-политических альянсов, в том числе блок НАТО, который стремительно стал расширяться на восток после окончания «холодной войны»; она же легла в основу масштабных планов модернизации и развития военно-морского флота США, который к настоящему времени практически безраздельно господствует на большей части акватории Мирового океана. Идеология фронта обеспечила высадку американцев на Луне на рубеже 1960–1970-х годов (придя к власти в начале 1960-х годов демократическая администрация Дж. Кеннеди стала действовать в духе провозглашённой ею политики «новых рубежей» (*“new frontiers”*), частью которой и явилась программа пилотируемых полётов на Луну – «Аполлон») и вынашиваемых в настоящее время планов освоения других планет Солнечной системы, среди которых на первом месте стоит Марс. В XXI веке США расширили свой фронт на Ирак и Афганистан, в их перспективных планах – Кавказ и Средняя Азия.

В трактовке В.В. Согрина «на рубеже XIX–XX веков фронт (граница) достиг своего естественного географического предела, но сохранился в качестве феномена американской культуры. В американской национальной культуре прочно укоренилось представление о том, что индивидуум должен иметь и имеет возможность преодолевать жизненные фронты, не бояться “сниматься с места”, если возможности имущественного или статусного роста исчерпаны или неудовлетворительны, устремляться на новые места, которые обещают

новые, лучшие возможности. Не случайно все поколения американцев, **даже после исчерпания географического фронта** (выделено мною. – Н.Т.), демонстрировали гораздо большую, нежели другие народы, горизонтальную мобильность – в случае с американцами способность по несколько раз в жизни сменять места проживания и трудовую активность» [5, с. 12].

Локальную – в пределах национальных границ – трактовку американского фронта не следует считать случайным упущением; она позволяет избежать другой, не менее острой и даже, можно сказать, взрывоопасной проблемы, которую, казалось, снял отказ от идеологии марксизма-ленинизма в качестве обязательного методологического инструментария анализа исторического опыта США. Когда весной 1945 г. на берегах Эльбы встретились советские и американские войска, это было событие, впервые положившее начало тесному контактному взаимодействию США и СССР в переплетении их исторических судеб, которое в скором времени привело к «холодной войне» между ними. Неизбежно возникла проблема, в какой степени эта конфронтация отражает полярность существовавшего на тот момент общественного устройства в наших двух странах – капитализма и социализма, или же истоки «короткого замыкания» в советско-американских отношениях следует искать гораздо глубже и дальше в истории, а именно: в типажах их цивилизационного устройства. Во втором случае вступление в начале 1990-х годов России на путь капиталистического развития [5, с. 6] ни в коей мере не отменяет, а скорее метаморфозирует задачу отечественной американистики, доставшейся ей в наследство от советской исторической школы – быть оппонентом американской историографии.

Не успели в начале 1990-х годов советские обществоведы почувствовать себя частью мирового научного сообщества, как известный американский политолог С. Хантингтон (который, кстати сказать, в середине 1960-х годов выдвинул теорию конвергенции капитализма и социализма) провозгласил «возрождение традиционного соперничества между национальными государствами» в своей статье «Столкновение цивилизаций?» [18]. «Критический, по сути самый главный аспект грядущих контуров глобальной политики, – писал он, – заключается в том, что фундаментальным источником конфликтов в новом мире не будут ни идеология, ни экономика... Основным источником конфликтов будет культура... столкновение цивилизаций будет определять ход мировой политики» [18, р. 22].

В обоснование своего тезиса политолог утверждал, что «мировая политика в значительной степени будет определяться взаимодействием между семью или восемью основными типами цивилизаций», в числе которых он назвал и православную, подчеркнув, что «различия между цивилизациями являются не только реальными, но и фундаментальными: цивилизации отличаются друг от друга историей, языками, культурой, традициями и, что самое главное, – религией. Люди различных цивилизаций имеют разные представления об отношениях между Богом и человеком, индивидуумом и социумом, гражданином и государством, мужем и женой, а также контрастирующими взглядами на относительную роль прав и обязанностей, свобод и власти, равенства и иерархии в общественной жизни. Эти различия накапливаются в течение столетий, и они быстро не исчезают. Они являются гораздо более фундаментальными, нежели различия между политическими идеологиями и политическими режимами. Различия не обязательно ведут к конфликту, а конфликт не обязательно ведёт к насилию.

Однако на протяжении веков различия между цивилизациями порождали наиболее длительные и наиболее ожесточённые конфликты» [18, р. 25].

При этом С. Хантингтон (скончавшийся в декабре 2008 г.) писал: «В глобальном плане наиболее важная страна, раздираемая противоречиями, – это Россия. Вопрос о том, является ли Россия частью Запада или же лидером стоящей особняком православной цивилизации, представляется определяющим в российской истории. Этот вопрос был отодвинут на задний план победой коммунистов в России, которая импортировала западную идеологию, а затем бросила Западу вызов от имени этой идеологии. Эпоха социализма на какое-то время закрыла исторические дебаты западников и русофилов. С уходом коммунизма эта проблема вновь в полный рост стала перед русскими» [18, р. 43].

Внимательное изучение труда В.В. Согрина, который представил опыт цивилизационного развития США в максимально благоприятном свете, как бы стремясь исправить «огрехи и перекося» советских историков, в прошлом всячески «чернивших» США, не оставляет никаких сомнений в том, что **мы действительно являемся фундаментально разными, можно даже сказать, противоположными типами цивилизационного развития**. И хотя автор на протяжении своего исследования всячески избегает проводить исторические параллели между Соединёнными Штатами и Россией до 1917 г., тем не менее в подтверждение этого тезиса можно привести его же оценку роли свободных земель в развитии американской цивилизации: «Свободные земли имелись не только в США; например, они в огромном количестве наличествовали в России, которая, однако, не смогла даже в малой мере извлечь из них такую пользу, какую извлекли из своих западных территорий Соединённые Штаты. Главная причина заключена в фундаментальном различии социально-политических основ двух обществ: феодально-монархическая Россия не могла дать своему населению тех возможностей в освоении свободных территорий, какие давали, пусть и не всему, но значительной части своего народа радикально отличные по своей природе Соединённые Штаты. Как следствие, радикальными были и различия экономических показателей двух разнородных цивилизаций» [5, с. 157].

Ловушки американского конституционализма

На протяжении всего XX века проблема «догнать и перегнать Америку» практически находилась в центре государственной политики СССР. Однако при этом важно артикулировать «базисно-надстроечный» характер фильтрации американского опыта и достижений. Непосредственно после революции 1917 г. был прямо провозглашён лозунг широкого использования в хозяйственной практике научной системы организации труда Ф. Тейлора, конвейерных методов производства «Форда», создания крупных хозяйствующих субъектов наподобие американских трестов и корпораций «Стэндрд ойл», «Дженерал электрик», «Дженерал моторс», а также других американских брендов. В 1930-е годы СССР при проведении своей политики индустриализации просто покупал и импортировал целые заводы и производственные комплексы автомобильной, тракторной, электротехнической и ряда других отраслей промышленности. В период после Второй мировой войны в условиях как противостояния, так и соревнования двух общественно-политических систем практика широкого использования, заимствования или адаптации американских научно-технических достижений была продолжена и развита. Иными словами, СССР

широко заимствовал технико-экономический опыт США; что касается надстроечных институтов – социальных отношений, базирующихся на значительной дифференциации населения по размерам получаемых доходов и находящихся во владении богатств, смешанной экономики, основанной на взаимодействии мощного частного и государственного секторов, институтов политической демократии, включая институт президентской власти, то они и составляли суть различий между социализмом и капитализмом, а потому «пересаживанию» на советскую почву не подлежали.

Август 1991 г. радикальным образом изменил формулу воспроизведения и копирования американского опыта: упор был сделан на адаптацию к российским условиям институтов политической демократии, основанных на многопартийной политической системе, на президентской республике с выбором главы государства населением, на разделении властей, на конституционной гарантии значительного круга прав и свобод, в том числе политических и религиозных, практически для всех членов общества. Следует подчеркнуть, что института представительной демократии в американском их понимании *никогда не было* в пределах православной цивилизации, и даже короткий период монархического конституционализма, представленного Государственной думой периода 1905–1917 гг., скорее служил доказательством нежизнеспособности представительной демократии «на Руси», нежели примером первых побегов грядущей политической трансформации генетического кода православной цивилизации. Судьба этой цивилизационной новации действительно является критически важной с точки зрения дальнейшей эволюции России и её самоидентификации.

Именно по этой причине исторический опыт разработки и становления американского конституционализма в конце XVII века представляется фундаментально важным для современной России, поскольку здесь могут быть проведены определённые исторические параллели и выявлены некоторые закономерности.

Конституция США, принятая в 1787 г., стала прочным фундаментом для эволюции американского общества на протяжении последующих двухсот с лишним лет (!). Как подчёркивает В.В. Согрин, «в Основном законе США воплотилась их политическая культура и мировоззрение, которые в свою очередь вмещали в себя богатые конституционные традиции Старого Света, в первую очередь Англии, и политическую философию Просвещения. На Конвенте в Филадельфии собрались образованнейшие представители Америки, которых Т. Джефферсон, стоявший на демократических позициях и не участвовавший в Конвенте, называл, тем не менее, собранием “полубогов”. Благодаря образованности и опоре на разнообразные, утончённые и передовые политические учения, прежде всего идеологию Просвещения, они смогли создать Конституцию, которая в своей основе сохраняется и поныне» [5, с. 102].

Я полагаю, что эта характеристика американской Конституции получила широкое распространение среди российских демократов и правоведов на рубеже 1980–1990-х годов, считающихся авторами Конституции 1993 г., которая стала правовой основой политической демократической системы современной России.

Будучи исследователем высокой квалификации, В.В. Согрин не мог не упомянуть о дискуссии в американской историографии относительно происхождения и принятия Конституции, восходящей своими истоками к тому периоду, когда советская историческая наука была оппонентом американской историографии. Это оппонирование основывалось на популяризации и защите

идей видного американского историка Ч. Бирда (1874–1948 гг.), изложенных им в его нашумевшей работе 1913 г. «Экономическое истолкование Конституции Соединённых Штатов» [7].

В 1913 г. Бирд первым среди буржуазных историков отверг формально-правовой метод анализа Конституции США, господствовавший в XIX веке. Если до него буржуазные авторы превозносили конституцию как продукт свободного волеизъявления всей нации, воплощение «общественного договора», то Бирд, сосредоточившись на экономических мотивах авторов Основного закона, охарактеризовал его как воплощение правовых гарантий собственнических интересов американских верхов. Тщательно проанализировав экономические интересы 55 участников филаделфийского Конвента 1787 г., Ч. Бирд пришёл к выводу, что они выражали волю четырёх групп: финансового капитала, владельцев государственного долга, мануфактуристов, торгово-купеческих кругов [7, р. 324]. Они и спроектировали сильное федеральное правительство, призванное, в первую очередь, защитить интересы денежного капитала, движимой собственности.

В своей статье о Конституции США (1987 г.) В.В. Согрин, отметив ряд методологических недостатков подхода Ч. Бирда, в том числе его антиисторизм, отмежевался от трактовки Бирдом Основного закона США как «экономического документа», однако попытожил свой анализ следующими словами: «И всё же Бирд и его последователи **и сегодня** (выделено мною. – *Н.Т.*) выгодно отличаются от большинства буржуазных историков стремлением постичь классовую сущность американской конституции 1787 г., без чего её научная оценка невозможна» [6]. Спустя 13 лет, в работе 2010 г., бегло изложив ход дискуссии среди американских историков «за» и «против» трактовки Ч. Бирда, В.В. Согрин сделал обобщающий вывод: «**очевидно** (выделено мною. – *Н.Т.*), что анализу Бирда присущи многие упрощения, которые делают **его интерпретацию в значительной мере устаревшей** (выделено мною. – *Н.Т.*)» [5, с. 101–102]. Итак, «дело Бирда» закрыто и сдано в исторический архив?

Однако это далеко не так. В то время как российские историки пытались предать забвению наследие советских исследователей, американские историки, главным образом экономические историки, основываясь на новом осмыслении уже имевшихся исторических фактов, а также на новых фактах, принялись усиленно углублять и расширять аргументацию Ч. Бирда, делая упор именно на экономическую, а не на политико-правовую интерпретацию Основного закона США. В результате уже в текущем столетии профессиональные американские историки заговорили о феномене «второго пришествия» Ч. Бирда [8]. При этом методологически историческая ценность фундаментального труда Бирда рассматривается современными американскими учёными не в зависимости от абстрактной антитезы историзма и антиисторизма, а в зависимости от прочтения Конституции США, которое приносила очередная эпоха исторического развития американского государства: на одном этапе актуальной была правовая интерпретация, на другом – экономическая.

Вот как объясняет актуальность труда Бирда в начале XXI века историк М. Беви́г: «Американская нация была рождена в период между 1776 и 1789 гг. Все согласны с тем, что Декларация независимости, Война за независимость, статьи Конфедерации и Конституция сыграли критическую роль в процессе формирования американской нации. Особенно следует отметить тот факт, что наше понимание процесса принятия Конституции неизменно отражает и связано с текущими политическими проблемами. Так, в период до Гражданской

войны в США, когда в центре национальной политики стояла проблема местных интересов, дебаты о ратификации Конституции были сосредоточены на проблеме соотношения прав штатов и прав федерального центра; мыслители “Позолоченного века”, озабоченные проблемой “дешёвых денег” и предложениями о начале чеканки серебряных денег для расширения денежных средств в обращении, фокусировали своё внимание на конфликтах “критического периода”, связанных с проблемой погашения государственного долга; критики Прогрессивной эры, обеспокоенные перспективами решения “социального вопроса”, выдвигали на первый план проблему начальных этапов классовых конфликтов в американском обществе. В настоящее время доминирует теория республиканского синтеза, однако это не значит, что появление новой господствующей парадигмы невозможно. И самое перспективное направление её становления связано с возрождением интерпретации историка Чарлза А. Бирда, исправленной и дополненной использованием современных эконометрических методов, которая может подвести прочный материальный фундамент под более тонкое понимание истоков Конституции» [8, p. 107].

«Второе пришествие» Ч. Бирда началось в середине 1980-х годов с публикации в «Журнале экономической истории» клиометрической статьи Р. Макгвайера и Р. Осфелдта «Экономические интересы и американская Конституция: количественная реабилитация Чарлза А. Бирда» [20]. В основу статьи американские экономические историки положили эконометрическую проверку базовой гипотезы Бирда о том, что 55 участников филадельфийского конгресса руководствовались не абстрактными принципами «заботы о всеобщем благосостоянии» или «установления справедливости», а теми «непосредственными экономическими выгодами, которые участники конгресса рассчитывали получить исключительно для себя. Собственно говоря, на большее экономическая интерпретация американской Конституции не может и претендовать» [7, p. 17-18]. Методологически американские исследователи построили свою аргументацию на географическом факторе, взяв в качестве главного параметра расстояние от побережья или крупных городских центров того периода до места проживания делегатов. В результате с цифрами в руках они доказали, что «чем дальше делегат проживал от побережья или от ближайшего крупного города, тем в меньшей степени он проявлял склонность голосовать за сильное централизованное государство» [20, p. 516].

Спустя почти 20 лет Р. Макгвайер развил основные тезисы статьи в фундаментальной работе, вышедшей в 2003 г. в издательстве Оксфордского университета, которая и положила начало «новой волне» интереса американских историков и экономистов к подходу Ч. Бирда. Основываясь на клиометрических методах, Р. Макгвайер пришёл к выводу, что решающую роль сыграли **держатели долговых ценных бумаг**, как частных, так и государственных, особенно выпущенных в годы Войны за независимость. Именно держатели ценных бумаг практически единым фронтом выступили против наделения властей штатов правом эмиссии денег, без чего все остальные права штатов практически зависали в воздухе, поскольку они лишались собственных финансовых возможностей по их реализации и обеспечению.

Владельцы крупных хозяйств, основанных на рабском труде, разделились примерно на две равные группы, одна из которых поддержала Конституцию, другая – проголосовала против: поддержка Конституции рабовладельцами составляла не более 3,9%, по сравнению с 45,9% в случае с теми делегатами, кото-

рые не имели рабов. Аналогичным образом, делегаты, представлявшие штаты с развитыми торговыми связями за их пределами, в гораздо большей степени были готовы голосовать в поддержку Конституции по сравнению с делегатами, которые представляли интересы «более изолированных, менее коммерциализированных районов своих штатов и которые в гораздо меньшей степени были склонны поддержать идею формирования федерального центра» [21, р. 109-111].

Применительно к современным условиям, Р. Макгвайер так охарактеризовал результаты своего исследования: «Выводы настоящего исследования наводят на мысль, что крайне маловероятно то, что любая конституция современного мира будет разработана и принята в ходе процесса, свободного от интересов и партийной политики», и поэтому «конституции всегда являются продуктом интересов тех групп, которые её принимают» [21, р. 8].

Истоки и глубинные причины нового экономического прочтения Конституции США блестяще обрисовал М. Беvig, который увязал процесс разработки и принятия Конституции с генезисом капитализма в США: «Поскольку ратификация Конституции имела место примерно в то же время, когда начался переход к капитализму, результаты исследования Макгвайера прекрасно показывают причинно-следственные связи между интересами и действиями тех социальных групп, которые оказались активно задействованными в формировании рыночной экономики, и потому всё в большей степени стали ощущать на себе издержки переходного периода» [8, р. 117].

В этой связи можно указать на то обстоятельство, что первое десятилетие текущего столетия вообще явилось свидетелем взрывного интереса западных исследований к экономическим аспектам конституционных реформ, охвативших с начала 1990-х годов значительную часть стран мира, в том числе и Россию [24]. Анализ российской конституционной реформы 1993 г. и её экономических последствий как раз и показывает самым убедительным образом правомерность подхода Ч. Бирда. Что получила Россия в результате принятия Конституции 1993 г. – политическую демократию, которой никогда не было в стране, или олигархический капитализм, словно чертополох произрастающий на нашей планете вот уже на протяжении по меньшей мере ста лет в результате «имманентной игры» свободных рыночных сил? Широкомасштабную приватизацию лакомых высокодоходных кусков государственной собственности, которая началась после принятия Конституции 1993 г. как отражение личных предпочтений правящей группировки, стоявшей вокруг первого президента РФ Б.Н. Ельцина, ваучеризацию, «семибанкирщину», залоговые аукционы, либерализацию внешнеторговых и внешнеэкономических связей – к концу XX века олигархический капитализм в России стал свершившимся фактом. И в этих условиях не выступают ли конституции, гарантирующие права и свободы граждан, в роли «отмычки», вскрывающей закрытые общества и экономики, которые быстро становятся объектами нещадного выдаивания прибылей и сверхприбылей международными и национальными корпорациями?

Однако на этом «коварство» положений Основного закона США не закончилось. Поскольку СССР практически во всём стремился догнать и перегнать США, то учреждение в начале 1990-х годов постов президента СССР, а затем президента РФ сопровождалось принятием симметричных с США положений об учреждении постов вице-президента. Но в отличие от США, которые если и вспоминают о своих вице-президентах, то только тогда, когда они замещают ставшие вакантными президентские должности, острейшие политические кри-

зисы, поразившие СССР в августе 1991 г. и РФ в октябре 1993 г., оказались связанными именно с вице-президентами – вице-президентом СССР Г. Янаевым и вице-президентом РФ А. Руцким. Вице-президенты «российской православной цивилизации» явно стремились досрочно занять президентские должности, что вряд ли является случайностью. Скорее, это отражает основную логику российского **национального** конституционного устройства.

Но и на этом законотворчество в отношении «американизированных» статей Конституции РФ 1993 г. не закончилось. Спустя 15 лет в ударном порядке была принята поправка, которая продлила срок президентских полномочий с четырёх до шести лет. Основным аргументом при этом стало абсолютно надуманное, хотя и весьма показательное фискальное, *т.е. экономическое*, объяснение, согласно которому правительство перешло на практику трёхлетнего бюджетного планирования, которое и требует пролонгации срока президентских полномочий.

В связи с этим можно указать следующие факты из конституционной истории США: предложение о шестилетнем президентском сроке было внесено в 1926 г. в Конгрессе 19-го созыва, а к 1981 г. были выдвинуты ещё 184 (!) подобного рода законодательные инициативы, и ещё 24 – в период до 1996 г. [14, р. 22]. В начале 1980-х годов в пользу увеличения срока президентских полномочий активно выступили к тому времени уже бывшие президенты США Дж. Картер и Дж. Форд. При этом Дж. Картер мотивировал это тем, что в условиях шестилетнего срока президент США будет иметь «больше возможностей для морально-нравственного – в отличие от политиканского – руководства страной» [14, р. 23]. Тем не менее, почти за 200 лет выдвижения соответствующих предложений США так и не отдали предпочтения ни одному из доводов в пользу продления срока президентских полномочий, сохранив приверженность принципу соблюдения многовековой политической традиции.

Стремление российского руководства в 2009–2011 гг. перехитрить заимствованное напрямую положение о законодательном ограничении пребывания в должности президента РФ двумя сроками вплотную подвело Россию к грани рукотворного политического кризиса. Это обстоятельство лишний раз говорит о том, что составители российской Конституции 1993 г. настолько прямолинейно подошли к написанию её ключевых норм, что даже не стали утруждать себя размышлениями о том, что эта норма американской Конституции **явилась следствием длительной эволюции американского конституционализма**, а не была в одночасье «взята с потолка». В частности, она была введена только в 1951 г., т.е. спустя почти 150 лет (!) после принятия Основного закона США, в виде 22-й поправки. При этом история пребывания американских президентов в должности обнаруживает действие череды удивительных периодов. С 1788 по 1836 г. из семи первых американских президентов пять находились на этом посту в течение двух сроков, следуя неписаной конституционной норме, установленной вторым президентом США Т. Джефферсоном (1801–1809 гг.). В период с 1837 по 1901 г. американские президенты находились в Белом доме в течение одного срока, однако в XX веке вновь возобладало действие тенденции к пребыванию в должности президента США в течение двух сроков, усугублённое аномальным четырёхкратным избранием Ф. Рузвельта, который пробыл на посту президента, по сути, три полных срока. Однако в целом, за всю историю США, в период

с 1788 по 2012 г., 43 американских президента (включая Б. Обаму*) в среднем находились у власти немногим более пяти лет.

Возможно, именно по этой причине во многих странах Восточного полушария, в том числе и в СССР, и в царской России, всегда существовало явное или завуалированное неприятие американизированных институтов политической демократии, особенно института президентской власти, поскольку политические традиции и политическая стабильность там соответствовали максимально длительным срокам пребывания во главе страны, а бездумное следование американским нормам представлялось формой встроеной политической и государственной нестабильности и даже разновидностью общественного хаоса.

Тупики либерально-капиталистической трансформации

Последующие сто лет американского развития – с 1770-х по 1870-е годы – В.В. Согрин рассматривает с точки зрения двухфазовой эпохи либерально-капиталистической трансформации. В принципе, в советской исторической науке этот отрезок времени также трактуется как становление капиталистического способа производства [3, с. 205–392]. Новация в виде «*либерально-капиталистической*» формы эволюции позволяет провести определённые исторические параллели между США в указанный столетний период и современной Россией, которая, по сути, с конца XX века вступила на аналогичный путь либерально-капиталистического развития. В этом плане американская историческая «дорожная карта» 1770–1870-х годов вполне может читаться как захватывающее повествование при составлении прогностической оценки российского либерально-капиталистического будущего.

В рамках оптимистического сценария, которого придерживается В.В. Согрин, 1830-е годы вошли в историю как период «джексоновской демократии», названной так по имени седьмого американского президента Э. Джексона (1829–1837 гг.), которого вполне можно считать первым «народным президентом» США [5, с. 183]. Именно в те годы и появилась знаменитая работа А. де Токвиля «Демократия в Америке» (1831 г.). Возможно, ориентируясь на современного российского читателя, В.В. Согрин подчёркивает, что «предпочтение большинством рабочих индивидуалистических ценностей выразилось и в широкой поддержке движения Э. Джексона и его реформ. Лейтмотив джексоновского движения – соединение капитализма с демократией, ликвидация привилегий денежного капитала и утверждение равенства возможностей в рыночной экономике – оказался для основной массы рабочих привлекательней социалистических мечтаний оуэнистов и фурьеристов» [5, с. 173].

Учитывая тот факт, что, как подчёркивает В.В. Согрин, в первый период независимых США «роль избирателей в политическом процессе была незначительной, а в политическом управлении вообще отсутствовала» [5, с. 124], можно считать: США были созданы местной американской аристократией и состоятельными людьми. То есть с момента принятия Конституции 1787 г. и к моменту окончания второго президентского срока Э. Джексона (примерно в течение 50 лет) форма правления в США постепенно трансформировалась из

* Хотя Б. Обама считается 44-м президентом США, их было 43, поскольку избиравшийся дважды с разрывом в четыре года Г. Кливленд был 22-м и 24-м президентом США. – *Ред.*

«аристократии» в «демократию». Применяя американские исторические мерки, нетрудно посчитать, когда Россия (если продолжит следовать по пути либерально-капиталистической трансформации) преобразуется из «олигархии» в «демократию».

Однако к концу 1830-х годов в США произошли и другие события, которые, возможно, имеют к современной России гораздо большее отношение, нежели дихотомия взаимоотношений капиталистов и рабочих (и служащих). В книге В.В. Согрина особенно не акцентируется внимание на том, что на рубеже 1830–1840-х годов в США было, по сути, уничтожено коренное (индейское) население. Ключевым положением либеральной идеологии отнюдь не противоречил тот факт, что с самого начала «индейцы... воспринимались большинством белых колонистов в качестве неполноценной расы. Самый распространённый стереотип восприятия индейцев гласил, что они находятся в состоянии “дикости” и “варварства”» [5, с. 55]. В то же время автор отмечает, что именно «народный президент» Э. Джексон «был не только идеологом, но и самым удачным практиком экспансии. В ходе войны 1812–1815 гг. генерал Джексон не только одержал самую громкую победу над англичанами (в январе 1815 г. под Новым Орлеаном), но и разгромил множество индейских племен, отняв у них три пятых нынешней Алабамы и одну пятую Джорджии. В конце 1810-х годов его усилиями была завоёвана Флорида и разгромлены племена семинолов. Кредо Джексона – индейские территории должны быть заселены американцами – вдохновляло миллионы соотечественников» [5, с. 183]. Именно по инициативе Э. Джексона в мае 1930 г. был принят печально известный закон «О перемещении индейцев» (*Indian Removal Act*), согласно которому они насильственно переселялись из восточных штатов в резервации, созданные западнее штатов Миссури и Арканзас на так называемой «индейской территории», обманным путём отнятой у индейцев прерий. В общей сложности, указывается в книге, за восемь лет пребывания Джексона на посту президента у индейцев было выкуплено свыше 40 млн. гектаров земли за сумму примерно 68 млн. долл. Таким образом, один гектар обошёлся федеральному правительству примерно в 17 центов, в то время как его минимальная стоимость для белых поселенцев равнялась 0,5 долл., т.е. в 3 раза больше [5, с. 196]. В совокупности, этот период **либерально-капиталистической трансформации** вошёл в современные американские исторические учебники и разработки как **«геноцид коренного населения»**.

Вот как современные американские историки описывают долгосрочные последствия столкновения цивилизаций, имевшего место на Североамериканском континенте: «Одним из наиболее отрезвляющих моментов североамериканской истории является демографическая катастрофа, которую принес с собой культурологический контакт евроамериканцев с большей частью коренного населения континента... Тесная переплетённость их судеб обернулась расходящимися траекториями их цивилизационной эволюции» [12, р. 15]*.

* Можно в этой связи указать, что либерально-капиталистическая трансформация, стартовавшая в России в начале 1990-х годов, также, как по мановению волшебной палочки, обернулась официально признанной демографической катастрофой; в частности, если в 1992 г. население РФ составляло 148,5 млн. человек, то к началу XXI века оно уменьшилось до 146,9 млн. человек, а в 2010 г. сократилось до 141,9 млн. человек. Согласно официальному демографическому прогнозу, в 2020 г. численность населения РФ также будет составлять 141,9 млн. человек, а к 2031 г. уменьшится до 131,0 млн. человек (средний вариант) [1, с. 46, 499].

Смешение проблемного, т.е. интерпретационного, и нарративно-хронологического подходов приводит, как представляется, к выводу парадоксального свойства, которое осознается при внимательном ознакомлении с трудом В.В. Согрина. Речь идёт о периоде Гражданской войны и Реконструкции (1861–1877 гг.) в США. Насколько можно судить, американские историки в своём большинстве в освещении этого периода придерживаются хронологически-нарративного подхода. В работе же советских историков, появившейся в 1983 г., Гражданская война (и Реконструкция) трактуется скорее как **отправная точка** промышленного переворота, произошедшего в США в последней трети XIX века. В ней, в частности, указывается на то, что «революционный кризис 1850–1860-х годов развивался в период промышленного переворота – **перехода** (выделено мною. – *Н.Т.*) от мануфактурной к машинной стадии капитализма...» [3, с. 406].

Можно сказать, что перед историками неизменно стоит проблема: как оценивать так называемые «переходные периоды» – как последний аккорд предыдущей эпохи или же как первый этап и провозвестник новой эры? Забегая вперед и оценивая американскую историю XX века, приходишь к выводу, что эта проблема неизменно возникала при оценке основных исторических периодов, которые пережили (и переживают в настоящее время) США. Первая мировая война – это завершающий этап XIX века или начало «сейсмических потрясений» наступившего XX века? «Ревущие» 1920-е годы, когда Америка в полной мере вкусила «процветание» – это исторический дар предшествующего периода поколению, которому предстояло пережить нокаутирующие удары «Великой депрессии» и Второй мировой войны или же это первая ласточка грядущей эпохи «высокого массового потребления»? Вторая мировая война – конец периода мировых войн или первый этап грядущей мировой конфронтации, в ходе которой в ракетно-ядерной войне может погибнуть всё человечество? И так далее.

В.В. Согрин избрал чётко артикулированный подход: в его трактовке Гражданская война и Реконструкция выступают в качестве **завершающих этапов** либерально-капиталистической трансформации: «Окончание Гражданской войны означало завершение первой фазы либерально-демократической революции и наступление второй фазы, вошедшей в историю под именем Реконструкции (1865–1877 гг.)» [5, с.227]. И далее: «...именно Реконструкция поставила окончательную точку в победе и утверждении в чистом виде либерально-капиталистической цивилизации в США» [5, с.235].

Так чем же заканчиваются **либеральные** трансформации общественных отношений? Судя по американской «дорожной карте» исторического развития, в конце либеральных преобразований перед обществом стоит выбор: либо революция, либо гражданская война (либо то и другое вместе). В работе В.В. Согрина так и написано: «Охарактеризую теперь Гражданскую войну как социально-политическую революцию – эта сторона для автора представляет главный интерес» [5, с. 222]. Возможно, именно по этой причине автор, по сути, избежал вопроса о человеческих издержках Гражданской войны. Придётся напомнить. За четыре года Гражданской войны США потеряли, по меньшей мере, 618 тыс. человек, по другим данным – порядка 700 тысяч. Эти потери превосходят американские потери во Второй мировой войне (405 тысяч) и в войне в Юго-Восточной Азии (90 тысяч). Помимо этого, Гражданская война нанесла огромный ущерб американской экономике, от которой последняя смогла оправиться только к концу следующего десятилетия (период Реконст-

рукции). О масштабах экономических потерь США в Гражданской войне можно судить на основании современных оценок её стоимости; в целом расходы на ведение войны составили **80 млрд. долл.** в ценах 2011 фин. года (чудовищная сумма, если исходить из примитивного по современным стандартам уровня военной техники середины XXI века) [13, р. 1]. И вот это и есть среднесрочная (или даже долгосрочная) перспектива либерально-капиталистической трансформации общества? Ничего себе перспективы пути, на который Россия вступила в начале 1990-х годов!*

Опасная иллюзия

Анализ последующих периодов американской истории в книге В.В. Согрина, особенно второй половины XX века, характеризовавшейся острейшей конфронтацией между США и СССР по всему спектру их отношений, как представляется, требует его сведения к сравнительно простым знаменателям, тем более что оно ведётся преимущественно в хронологически-нарративном ключе, поскольку вследствие развития мировых СМИ и международных контактов, а также начала систематического изучения США в России, особенно с конца 1960-х годов, когда в рамках Академии наук был создан специализированный Институт США (затем – США и Канады), основные вехи американской истории более или менее известны как специалистам, так и всем интересующимся. При работе над настоящей статьёй автор обратилась к блогерским оценкам известного четырёхтомника «История США» [3], и была даже несколько удивлена тем, что наибольший интерес вызвал именно первый том (охватывающий 1607–1877 гг.), который даёт представление собственно об **истории США**; современность в условиях интенсивной американизации сегодняшнего мира и интернет-доступа к современной общественной жизни Америки представляет, по всей видимости, гораздо меньший исторический интерес. Тем не менее, хотелось бы высказать одно замечание в отношении его методологической трактовки, которая может ввести в заблуждение неискушенных читателей (и даже специалистов).

В.В. Согрин по вполне понятным идеологическим соображениям изложил историю США последних ста лет, по сути, как историю **американского общества**, которая в этом плане мало чем отличается от истории Австралии, Новой Зеландии, Австрии, Швейцарии и ряда других «уютных» либерально-демократических стран. Заключительная глава его работы в этом плане имеет весьма характерное название: «1950–2000-е: от индустриального к постиндустриальному обществу». Думается, не будет преувеличением сказать, что ис-

* Не следует думать, что эти параллели носят надуманный характер – наоборот, они отражают и американские представления о специфике исторического периода, переживаемого Россией. Так, во время государственного визита президента У. Клинтона в Москву в апреле 1996 г., когда он приехал поддержать «друга Бориса» в ходе развернувшейся тогда кампании по выборам президента РФ (первых президентских выборов в демократической России) на совместной с президентом РФ пресс-конференции на вопрос журналистов о Чечне и чеченской войне У. Клинтон дословно ответил: «Вы говорите, что мы должны занять более критическую позицию по отношению к действиям России в Чечне. Я полагаю, что это зависит от исходной позиции, которую вы занимаете. Верите ли вы в то, что Чечня является частью России или нет? Я хотел бы напомнить вам, что у нас некогда была Гражданская война, в которой мы понесли бльшие людские потери, чем в любой другой войне в XX веке, исходя из того принципа, за который заплатил своей жизнью Авраам Линкольн, – что ни один американский штат не имеет права выхода из Союза» [26].

тория данного периода – это история параимперского образования, все проблемы которого определялись тем, что США вели, ведут и, по всей видимости, ещё долго будут вести борьбу за своё мировое господство – военное, политическое, экономическое и идейное в планетарных масштабах*.

Однако в настоящее время даже инвестиционные банкиры, а не то что либерально мыслящие историки, вынуждены констатировать, что США «явно переоценили все те преимущества, которые они могут получить – политические, экономические и военные – в результате своего продолжающегося стремления к глобальному доминированию». По их авторитетному мнению, «шесть показателей лучше всяких слов дадут представление о цене империи: дефициты федерального бюджета, государственный долг, объём военных расходов, инвестиции в инфраструктуру, неравенство в доходах и безработица, которая сейчас стала хронической» [22].

- На протяжении последних десяти лет доходы федерального бюджета оставались примерно на одном уровне, несколько увеличившись с 2,02 трлн. долл. в 2001 фин.г. до 2,17 трлн. долл. в 2011 фин. г. Однако за этот же период расходная часть бюджета почти удвоилась, увеличившись с 1,85 трлн. до 3,82 трлн. долл., в результате чего дефицит 2011 фин. г. составил 1,3 трлн. долларов.

- За этот же период валовой государственный долг США превысил 14 трлн. долл. и достиг отметки 100% ВВП, а долг внешним держателям составляет порядка 9 трлн. долл., из которых половина принадлежит иностранным его держателям.

- Прямые военные расходы за этот же период выросли с примерно 300 млрд. долл. в год, предшествовавший 11 сентября 2001 г., до 700 млрд. долл. в 2011 фин. г., и этот показатель будет на сотни миллиардов долларов больше, если учесть расходы на военные нужды, помимо Министерства обороны. Общие расходы на борьбу с глобальным терроризмом после событий 11 сентября 2001 г., вероятно заниженные, составили по меньшей мере 1,5 трлн. долл., которые были профинансированы исключительно за счёт дефицитного финансирования. В результате в настоящее время военный бюджет США превышает военные бюджеты всех остальных стран мира, вместе взятых.

- США, которые некогда были мировым лидером в развитии инфраструктуры экономики, сегодня тратят всего 2% ВВП на подобного рода инвестиции по сравнению с 5% в странах ЕС и 9% в КНР. Среди 30 самых крупных инфраструктурных проектов, реализуемых в мире, пятнадцать приходятся на долю развивающихся стран и лишь пять – на долю США. Только один китайский проект по переброске воды с севера страны на юг оценивается в 150 млрд. долл., т.е. более чем в 2 раза превышает общую стоимость всех американских проектов (65 млрд. долл.).

- Степень неравенства в распределении доходов, измеряемая «коэффициентом Джини», составляет 0,47** [28, р. 11], и это самый большой уровень разрыва доходов между богатыми и бедными среди всех промышленно развитых стран мира и даже превосходит степень неравенства в распределении до-

* Рассмотрение США как имперского образования является широко распространённым в современной англо-американской исторической и публицистической литературе. Укажу лишь некоторые публикации, вызвавшие наибольший резонанс в последние 10 лет [17; 15; 10; 11; 9].

** Значения «коэффициента Джини» (индекса концентрации доходов) лежат в интервале от 1 (абсолютное неравенство) до 0 (абсолютное равенство).

ходов в 1929 г., которое, по мнению многих экономических историков, стало главным спусковым механизмом «Великой депрессии».

- И, наконец, армия хронических безработных в США составляет примерно 14 млн. человек.

В этой связи встаёт риторический вопрос, «если так выглядит цена глобального доминирования, то кому оно нужно и кто захочет его копировать» [22]. В отношении двух последних аспектов американского опыта следует сказать особо.

По сути, всё исследование В.В. Согрина пронизывает один лейтмотив, присутствующий практически в каждой главе. Его смысл состоит в том, что США на всём протяжении их истории были глубоко социально дифференцированным обществом, и это привело к тому, что они «были более богаты и благополучны, нежели другие западные страны, они имели самый преуспевающий верхний класс и самый материально обеспеченный средний класс, но они же среди всех западных обществ демонстрировали самые серьёзные социальные контрасты и имели самый обездоленный нижний класс» [5, с. 10]. Однако США «достаточно уверенно миновали опасные социальные рифы» [5, с. 533], которые встречались на их историческом пути, несмотря на периодически высказывавшиеся в прошлом прогнозы и пророчества «о неминуемом крахе Америки».

Даже безоговорочное принятие этого постулата ни в коей мере не означает, что другие общества, в том числе и современная Россия, могут последовать американскому примеру и создать устойчивый и стабильный социум, в основе которого лежит углубляющийся разрыв в доходах и богатствах между социальными верхами и низами. К сожалению, «либерально-демократический» синдром «догнать и перегнать Америку», по всей видимости, глубоко проник и в эту сферу, и современное руководство России практически безоглядно следует этой модели, исходя из того, что раз «у Америки получилось», то и «у нас приживётся». Это и есть самая опасная иллюзия, навеваемая опытом социально-экономического и политического развития США другим странам и народам.

В целом, фундаментальный труд В.В. Согрина заслуживает самой высокой оценки, которую, кстати сказать, и дал недавно авторитетнейший американист профессор Э.А. Иванян [2]. Вдумчивый читатель найдёт в книге немало данных, фактов, аргументов и интерпретационных подходов, которые позволяют ему расширить горизонт знаний о Соединённых Штатах и американском опыте исторического развития.

P.S. Так зачем же нам, всё-таки, чужой исторический опыт – нам, великим изобретателям, которые к любой чужой телеге всегда приладят своё пятое колесо, чтобы на свой неподражаемый манер пытаться преодолевать уже кем-то когда-то проторённые дороги!? А для того, чтобы смотреть на других и видеть себя, чтобы отчётливо понимать, куда ведут пути, которые мы выбираем, и трезво оценивать нашу готовность (или всё-таки неготовность?) заплатить любую цену за свой выбор. Тем более что в современную эпоху идеологической унификации западного мира наблюдается поразительная синхронность процессов, которые напрямую затрагивают нас и устройство нашей жизни.

* В период с 1991 по 2009 г. значения «коэффициента Джини» для РФ, монотонно возрастают, увеличились с 0,260 до 0,422, а значения коэффициента фондов (коэффициента дифференциации доходов между самыми богатыми и самыми бедными группами населения) в период 1992–2009 гг. возросли с 8 до 16,7 раза [4].

Вот хотя бы... Развитие современной исторической науки в США характеризуется серьезными кризисными явлениями. Наиболее наглядным показателем этого процесса стало падение должностных окладов профессорско-преподавательского состава исторических факультетов, которые в условиях текущего финансово-экономического кризиса стали достаточно заметно отставать от темпов роста инфляции не только в государственных, но и в частных университетах и колледжах. В частности, в течение 2010/2011 учебного года она выросла в среднем по всем вузам США на 0,5%, в то время как темпы роста инфляции составили за это время 2,0%, что на практике означает «падение реальной покупательной способности трудовых доходов американских историков» [27].

Это отставание стало вовсе не следствием конъюнктурного спада кризисного года – оно отражает долгосрочные тенденции ухудшения материального положения американских историков среди представителей всех гуманитарных (социальных) наук, вместе взятых. Падение началось примерно 15 лет тому назад, т.е. в середине 1990-х годов, и в результате в настоящее время по доходам американские историки находят на одном из последних мест среди всех представителей социальных наук, отставая в среднем на 10% от средних трудовых доходов американских социальных учёных и исследователей (которое складывается из отставания на 11,6% доходов гуманитариев, работающих в государственных вузах и 6,6% – гуманитариев, работающих в частных институтах) [27].

Основную причину подобного рода сдвигов следует, однако, искать в меняющейся роли исторической науки (и не только!) в современном американском обществе, которое всё в большей степени начинает пронизываться денежными соображениями, интересами получения прибылей и другими финансово-экономическими «критериями оценки полезности» социальных наук.

Как отметил в своём недавнем напугавшем обращении к американским историкам президент Американской исторической ассоциации А. Графтон, «мы, историки, как и представители других гуманитарных наук, в течение последних десятилетий получали в свой адрес больше шипов, чем роз» [16].

Падение роли и значения большей части социальных наук, особенно истории, как не приносящих прибылей ни работодателям, ни лицам, избравшим их в качестве своей основной жизненной профессии, А. Графтон наглядно показывает на следующем примере: если в 1967 г. 17% всех студентов начальных курсов американских вузов составляли представители гуманитарных наук, и в том числе истории, то в настоящее время этот показатель уменьшился вдвое и не превышает 8%.

Нам, пожалуй, к этому добавить нечего.

Список литературы

1. Демографический ежегодник России. 2010. Федеральная служба государственной статистики. М., 2010 (<http://www.gks.ru>).
2. *Иванян Э.А.* Фундаментальный труд по истории США // США ❖ Канада: экономика, политика, культура. 2011. № 7. С. 103–107.
3. История США. В 4-х томах / Под ред. Н.Н. Болховитинова. М.: Наука, 1983–1987. Т. 1 (1607–1877 гг.).
4. Российский статистический ежегодник. 2010. Приложение. Раздел: Уровень жизни (<http://www.gks.ru>).

5. *Согрин В.В.* Исторический опыт США. М.: Наука, 2010. 581 с.
6. *Согрин В.В.* Принятие Конституции США: мифы и реальность // Новая и новейшая история. 1987. № 2 (электронный ресурс).
7. *Beard Ch.* An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. New York: The Macmillan Company, 1962. XX + 325 p.
8. *Bewig M.* The Second Coming of Charles Austin Beard: A Review Essay // *Alpata: A Journal of History*. Spring 2006. P. 107-117.
9. *Blow Ch.* Empire at the End of Decadence // *The New York Times*. 18.02.2011.
10. *Boot M.* American Imperialism? No Need to Run Away from Label. New York. Council on Foreign Relations. May 6, 2003.
11. *Boot M.* Neither New nor Nefarious: The Liberal Empire Strikes Back // *Current History*. Council on Foreign Relations. November 2003. Vol. 102. No. 66 (<http://www.globalresearch.ca>).
12. *Brenden R.* Genocide of Native Americans: Historical Facts and Historiographic Debates. History, Department of Dissertations, Theses, & Student Research, Department of History. University of Nebraska Lincoln. Year 2011 (<http://www.digitalcommons.unl.edu/historydiss/34>).
13. CRS Report for Congress. Costs of Major U.S. Wars. 29.06.2010. RS22926 (<http://www.crs.gov>).
14. CRS Report for Congress. Presidential Terms and Tenure: Perspectives and Proposals for Change. October 19, 2009. R40864 (<http://www.crs.gov>).
15. *Ferguson N.* Colossus: The Rise and Fall of the American Empire. London, 2004.
16. *Grafton A.* History under Attack // *Perspectives on History*. January 2011.
17. *Hardt M., Negri A.* Empire. Cambridge: Harvard University Press. 2000. 478 p.
18. *Huntington S.* The Clash of Civilizations? // *Foreign Affairs*. Summer 1993. P. 22-49.
19. *Lind M.* Let's Stop Pretending the Constitution Is Sacred. Freedom Rests on a Culture of Constitutionalism, not a Particular Document // *War Room Blog*. 4.01.2011 (<http://www.salon.com>).
20. *McGuire R., Ohsfeldt R.* Economic Interests and the American Constitution: A Quantitative Rehabilitation of Charles A. Beard // *The Journal of Economic History*. 1984. No. 2. P. 509-519.
21. *McGuire R.* To Form a More Perfect Union: A New Economic Interpretation of the United States Constitution. Oxford: Oxford University Press, 2003. XII + 395 p.
22. *Mousavizadeh N.* A Smaller America Could Be a Stronger America. August 25, 2011. *Compass*. Navigating the Global Archipelago // *The Reuters* (<http://www.reuters.org>).
23. *Parkins N.* A Plague on Your White House. The Presidents Killed by a Native American Curse // *Fortean Times*. January 2011.
24. *Persson T., Tabellini G.* The Economic Effects of Constitutions. Cambridge: The MIT Press, 2003. 203 p.
25. *Petras J.* Empire and Imperialism and the USA // *Global Research*. 8.09.2008 (<http://www.globalresearch.ca>).
26. Public Papers of the Presidents of the United States. William J. Clinton. The President's News Conference with President Boris Yeltsin of Russia in Moscow. April 21, 1996 (<http://www.presidency.ucsb.edu>).
27. *Townsend R.* History Faculty Salaries Fall Behind Inflation and the Rest of Academia // *Perspectives on History*. May 2011.
28. U.S. Census Bureau. Income, Poverty, and Health Insurance Coverage in the United States: 2010. Issued September 2011 (<http://www.census.gov>).